

ТАТЬЯНА ГАДОМСКАЯ

ГРАНИЦЫ И ГРАНИ “ХУННСКИХ ПОВЕСТЕЙ” НИКОЛАЯ ЛУГИНОВА

В основе художественного творчества Николая Лугинова лежит пограничная ситуация, когда всё – образы, сюжет – с математической точностью выстраивается в концептуальную формулу, призванную стать универсальным законом. Так думала я, читая “Хуннские повести”. Мне это было близко как экономисту, работающему в “оборонке”, но в то же время человеку, не чуждому музыке и литературе. Каково же было моё удивление, когда в одном из интервью писателя я прочла: “В историю я пришёл как математик. Состоялся в ней, наверное, тоже как математик. До сих пор у меня так – всё строго иерархично. Всё основано на точных подсчётах. Для меня важнее истина, опирающаяся на незыблемые аксиомы. Выбираю бесспорное. Что касается гуманитарных наук – их отличает субъективность. На строгий взгляд эта субъективность слишком велика. В их восприятии мира много произвола. Гуманитарий не складывает историю из фактов, не доказывает её, а вначале вырабатывает какую-то интересную лично для себя идею восприятия мира и истории, и только потом начинает собирать подходящие под неё факты. Только те, которые подходят под его идею. А про те, которые не подходят, он может даже не упоминать. Он не сталкивает лбами факты, как бы сделал здоровый исследователь-технарь...”

В данной статье мы попробуем разобраться на составляющие уравнение, с помощью которого автор “Хуннских повестей” на примере жизни китайской пограничной заставы Саньгуань времён династии Чжоу даёт читателю расшифровку понимания ДАО.

Тяготение к “пограничной” тематике прозорливый критик Владимир Бондаренко заметил в творчестве Николая Лугинова задолго до появления этого цикла повестей, рассматривая ранние произведения якутского писателя, ещё в 2007 году: “Его проза – это **пограничное** (выделено мною. – Т. Г.) сражение с обвивающей мировое земное пространство глобализацией всего и вся. Он ведёт сражение за каждый погибающий улус, за каждый брошенный дом, он вызывает к жизни давно забытые тени древних духов и мифических существ. Он – как якутский богатырь, вбивающий небесный гвоздь на Северном полюсе и сражающийся с ледяными быками. Когда слова уже замерзают на лету, он разжигает вполне земной костёр из сухой хвои и стреляет в метель и в стужу, в тьму и в забытьё, в гниющие амбары и размытые дороги так же метко, как на охоте на лету подбивает птицу. Он – охотник

слова, сияние которого греет душу народа. Его литературный дом, его алас столь же реален, как реальные его охотничьи трофеи, как реальные якутский омуль и якутские караси, запечённые им лично по древнему якутскому способу. Может быть, “верхние люди” во время сна будят его и нащёптывают писателю таинственные образы, которые затем претворяются в “Балладу о Чёрном Вороне” или в “Легенду об Илдэгисе”.

В переводе на китайский “Хуннские повести” вышли под названием “Граница”, указывая на основной смысл произведения. В Пекине состоялось обсуждение этой книги видными учёными-гуманитариями страны. Любопытно описывает писатель Владимир Карпов, как накануне город был погружён в тяжёлый смог и туман, а в день обсуждения произошло чудесное преобразование погоды: “С утра ещё в окно гостиницы проклюнуло ясное, доброе, округлое китайское солнце. Местные русскоговорящие люди сообщали по пути в Российский культурный центр, что таких солнечных дней в Пекине даже летом бывает раз-два – и обчёлся!” Карпов также отмечает историчность и в то же время крайнюю современность темы “границы”, особенно понятной в странах бывшего социалистического лагеря: “Мы, как казалось, жили страхом перед чёткими гранями системы, а там, за границей, была для нас иная жизнь, запретная, сладкая. И вот её нет, прежней границы, а... страха не убавилось. Наоборот. Стираются грани между добром и злом, можно и нельзя и, как любит приводить пример Николай Лугинов, объясняя свой замысел, – грани между мужчиной и женщиной... Граница в его творениях – символ нашей жизни. Ибо мы везде, во всём живём в пограничной ситуации. Война привычно уживается с миром, нищета – с сытостью, развал – с видимостью активной деятельности. Человек, призванный по долгу службы “охранять”, становится “нарушителем”. Именно на пограничье наук в двадцатом столетии сделаны величайшие открытия.

“Без пограничника нет контрабандиста, – философски рассуждает Николай Лугинов. – Но и без контрабандиста нет пограничника”. Именно на пограничной заставе Лао Цзы и сформулировал идеи даосизма”.

Заостряя внимание на следующем сообщении: “Китайские литературные профессора, доктора наук, литературоведы, один за другим выходя к трибуне для доклада, утверждали, что давно не читали книги с таким проникновением в даосизм и образ Лао Цзы”. Именно эти строки, воспринятые мной с недоверием, вызвали желание прочитать “Хуннские повести” и “поверить гармонии алгебры”.

Автора мало волнуют житейские интриги, обычно призванные завлечь читателя. На примере трёх поколений развивается сюжет изменения отношения к пониманию “границы” во всём объёме этого слова: между государствами, “забытым прошлым и возможным будущим”, миром видимым и незримым...

На древней заставе Саньгуань появляются юные новобранцы. Среди них рослый сильный паренёк Дин Хун и невысокий ушастый Ли Эр. В “тёмной комнате” неведомый голос предрекает им высокую судьбу. Один станет “большим человеком”, генералом, прославит своё имя, а другой – “великим”, да и не человеком даже, “Учителем”.

“Ли Эр” – данное от роду имя того, кого мир называет Лао Цзы. Имя это переводят как “Старый Учитель”, “Старый Мудрец”, а также “Старый ребёнок”, ибо он, согласно легенде, родился с седыми волосами. Также из легенд известно, что свой трактат “Дао де Цзин” он сформулировал, находясь на пограничной заставе уже в преклонном возрасте.

В произведении Лугинова Лао Цзы “появляется” на заставе Саньгуань дважды: в самом начале, где он юн, и ближе к завершению повествования, где ему под сто. При этом незримо присутствует здесь постоянно, иногда вступая в разговоры с местными пограничниками.

С тех же времён, когда появились новобранцы, здесь обитает контрабандист Чжань Чжень, также ставший по-своему великим, несметно богатым и влиятельным.

Генерал Дин Хун и контрабандист Чжань Чжень проживают жизнь “бок о бок”. Один ловит, охраняет, другой нарушает, “устанавливает межгосударственные связи”.

Писатель Николай Стародымов в статье “Хуннские повести” пишет: “Основной сюжетный конфликт развивается в противостоянии Старого Пограничника и Старого Контрабандиста, в противоборстве их отношения к жизни.

Однако конфликт этот, согласно сюжету, носит скорее моральный характер, философский, а не криминально-остросюжетный, как можно бы ожидать, в этом своеобразии романа. Всю жизнь первый ловит второго, и всю жизнь второй, отбыв в заключении определённый ему судом срок, возвращается в родные края и продолжает свою криминальную деятельность. В конце концов, они оба уходят на заслуженный отдых (понятно, что в одном случае слово “заслуженный” следует понимать в прямом смысле, а в другом – в переносном). И волею автора они оказываются соседями, соответственно, нравственное их противостояние продолжается до самого конца их жизненного пути”. К этому следует добавить, что некий жизненный ритм у Дин Хуна и Чжань Чжень просто как у братьев близнецов: примерно в одно и то же время отмечается их юбилей. Старый Пограничник получает правительственные награды, а у Старого Контрабандиста представители власти просто бьют на пышном празднестве. Чжань Чжень селится неподалёку от Заставы, выкупив и переоборудовав здание тюрьмы, где в иные годы отбывал срок наказания. Пограничник Дин Хун заболевает, и Контрабандист, на ту пору уже почитаемый в обществе богатый торговец, начинает лично... ухаживать за бывшим главным врагом и соперником: так “сроднила” их жизнь! На них обоих словно нисходит понимание вечной и неподвластной воле человека зависимости друг от друга. “По ночам же Чжань Чжень уговаривал идти спать. И опять сидел, иногда задрёмывая, слушал бормотание и всплески бреда – чаще всего о том, что с той, вражеской стороны идёт огромное войско или что прокрались через границу какие-то нарушители...”

Пограничник и Контрабандист жили бок о бок и “неразлучными” ушли в вечность: “Старого генерала, согласно его завещанию, похоронили у дороги, поставили большой необработанный камень из красноватого гранита с синими разводами, чем-то напоминающий грубоватый облик самого покойного. Надпись на нём гласила: “Всё имеет свой предел, границу – там, где кончается одно и начинается другое. Но её надо охранять, чтобы не смешалось своё с чужим. Я посвятил всю свою жизнь охране границы и не жалею об этом. Сохраните границу!...”

И через некоторое совсем время вдруг неожиданно умер и Чжань Чжень, хотя до самого последнего дня был вроде ещё крепенький, и если чем и болел, то какой-то тоской; а в одно утро не проснулся, чем удивил, сам того, конечно, не желая, многих. Его похоронили здесь же, но только по правую сторону старого тракта, да так, что эти могилы оказалась напротив друг друга, а между ними, как граница, пролегла вымощенная кремнистыми булыжниками дорога. Памятник старому контрабандисту соорудили дорогой, из тёмного отшлифованного мрамора, специально привезённого издалека. Надпись на нём словно спорила с извечным, пока живы были, противником. Она гласила: “Всю жизнь я перемещал ценности через закрытые границы. И тем, я думаю, обогатил обе стороны. Я познал свободу без границ, и неволя не могла омрачить это. И потому ухожу довольный прожитой жизнью...”

Можно согласиться с Н. Стародымовым относительно развития “сюжетного конфликта” в противостоянии Пограничника и Контрабандиста. С той поправкой, что в более значительной и многомерной форме сюжет строится вокруг противоречия между Пограничником и Великим Учителем, будь тот ещё неизвестным юношей, прозванным Ли Эром, или почитаемым, подобно Богу, старцем Лао Цзы. Причём даже тогда, когда Мудреца физически нет на Заставе. Потому что как для Пограничника, так и для Контрабандиста граница между государствами – это абсолютная незыблемая величина. А для Старого Мудреца существует иная граница – между видимым и незримым, вечным и временным, мнимым и подлинным, да и эта подвижна, текуча, ведь, по его толкованию, всё, что объяснено, уже не является ДАО.

Как может страж границы, не раз принимавший бой, видевший гибель близких от руки врага, принять слова друга юности, пусть и называет его весь Китай Великим Учителем: “Хорошее войско – причина бед”?! Или того краше: “Прославлять победителей – радоваться убийству... Победе подобает похоронный ритуал”?! Вот оно, пожизненное терзание для сильного, убеждённо-го, истово служащего своему делу Пограничника.

На смену Дин Хуну приходит другой. Инь Си также становится генералом. Тоже сильным, верным службе. Но генерал Инь Синь – представитель поколения, воспитанного на идеях Лао Цзы, – считает себя учеником двух учителей:

Старого Пограничника и Старого Мудреца. А значит, и в его сознании возможно хотя бы предположение, что граница — явление условное.

Наряду с этими титанами на заставе живёт и Старый денщик, который служит Дин Хуну, потом Инь Синю, не “хватает звёзд с небес”, но живёт долго и счастливо. Ему всё едино: есть граница, нет её, существует только реальность видимая, или есть что-то незримое. И в то же время он со всем согласен, что есть всё — видимое ли, незримое, — как начальство прикажет. Он также истовый служака и верен своему призванию.

Каждый образ, поворот истории у Николая Лугинова “заряжен” выверенной смысловой нагрузкой. Настолько, что иногда и хочется, чтобы повествование ушло вправо или влево, погуляло, разлилось, как это бывало в произведениях сибиряка Виктора Астафьева. Нет, это иной художник, со своим внутренним лекалом.

Лао Цзы вновь появляется на Заставе, когда его друга юности Дин Хуна уже давно нет в живых, и генерал Инь Си в зрелых годах. Но почти столетний Учитель лёгок, быстр, так что Инь Синь едва поспевает за ним. Зачем он пожаловал сюда? Уйти на Запад? “Уйти на запад” в восточной мифологии — это уйти в иной мир, умереть. Зачем же потребовалось Лао Цзы это сделать в буквальном смысле? И почему путь его пролёг через заставу Саньгуань, где прошла его юность?

Обратимся к тексту “Хуннских повестей”, которые неспроста в Китае вышли под названием “Граница”. Из главы “Хуннские корни”: “Каждый, кто хоть сколько-нибудь имеет в своем происхождении хуннские корни, довольно болезненно чувствует их. А вернее сказать, ему не дают забыть о них, так или иначе высокомерно напоминая, попрекая ими, ибо в неведомые глубины веков простираются непростые взаимоотношения кочевников с оседлым Китаем.

Вообще же, Китай изначально был многонациональным и за долгие века сравнительно спокойно и естественно сложился, постепенно слился в единую бытность, различия в которой если и были заметны, то не по национальному происхождению, а по условиям жизни в разных местностях... И только хуннское наследие в течение многих веков продолжало неостановимо кровоточить, болезненно отзываться во всех взаимоотношениях людей, беспокоить и нить болью и безысходной, поистине волчьей тоской... Весь кочевой уклад хуннов полностью зависел от причуд природы-погоды: будет в степи травяное и прочее изобилие — у них наладится привольная, без особых тревог, жизнь; а будет засуха, джунт-бескормица, племенная рознь или случится другая какая напасть — надо спастись и искать лучшие кормные места, где можно пережить худые, голодные времена.

Но главная беда состояла в том, что они время от времени вторгались в Китай и грабили напропалую — поначалу от нужды, от безысходности, а затем, привыкнув к таким дармовым, считай, доходам, — уже и по расчёту.

И на них у такого могучего вроде бы Китая с внушительной по численности, но пешей армией не было никакой управы, ибо она никак не могла угнаться за поголовно конными и очень подвижными хуннами... Но китайцы нашли умный и простой выход из положения. Они договорились с ближними хуннскими родами, выделили им на пользование землю и за очень солидную плату поселили вдоль своих границ — с обязательством их охраны, разумеется. Пограничным хуннам это ничего особо не стоило, кроме стычек со своими соплеменниками, по-прежнему промышлявшими грабежом... Удивительным же для хитроумных, но никогда особо не соблюдавших договоров китайцев было то, что хунны-пограничники проявляли железную стойкость и верность принятым обязательствам...”

Из хуннов в произведении Н. Лугинова был генерал Инь Синь, Дин Хун также из хуннов. Писатель напрямую не говорит о том, что Лао Цзы, который подростком вместе с Дин Хуном оказался на пересыльном пункте, имел хуннское происхождение, но вывод напрашивается без объяснений. Даже ситуация, по которой их “рекрутировали”, одинакова: их семьи не выплатили положенные налоги, поэтому “расплатились” сыновьями, подходящими возрастом.

Это многое объясняет. Саму природу зарождения мировоззрения, где представления человека о границах подвергаются сомнению. Большеголовый юноша Ли Эр начинает службу на границе, по обе стороны которой... родные люди! Да, для Дин Хуна — такое же положение. Но Дин Хун, прежде всего,

воин. А Ли Эр — Лао Цзы — поэт. И поэтому с первых же служебных шагов у них возникает разногласие: для одного поиманный контрабандист — враг, а значит, зверь, а для другого — человек со своей судьбой, пусть и душещипательные рассказы его о помощи сплошь больному семейству оказываются выдумкой.

Юный Ли Эр усомнится в незыблемости границы между странами, чтобы потом усомниться в границах общепринятых “мирских” ценностей. И, став Лао Цзы, скажет:

Высшее совершенство

Кажется ущербностью...

Также и под старость, которую, как видим из повествования, он совсем не чувствовал на физическом уровне, Лао Цзы появляется на Пограничье не столь потому, что пришло время отправиться “на Запад” — упокоиться. Видно, звало то, что сильнее границ, выше понимания, что всю жизнь “ныло болью и безысходной, поистине волчьей тоской. . .” Там, на Западе, хунны — родовые корни. А с ними и то, без чего, может быть, нет постижения ДАО.

В разговоре о древнем китайском способе охраны земель и организации приграничных территорий напрашивается аналогия с Россией XIX–XX веков. Когда Николай Лугинов говорит о чувствах “хуннов” (читай инородцев), живущих в “многонациональной” стране с разными условиями жизни, он говорит и о собственном опыте. Процитируем ещё раз В. Бондаренко: “Сам Николай Лугинов родился в Кобяйском улусе в августе 1948 года. Как и все мы, увлечённый всеобщей технизацией державы и романтическими призывами о преобразовании родины, нарушил своё предначертанное свыше гуманитарное Дао, пошёл учиться на физико-математический факультет Якутского университета. Но, думаю, писателю любой опыт идёт на пользу. Я заметил его как критик, когда Николай уже преодолел этап блужданий по студенческой жизни и индустриальных новаций, уже нашёл самого себя в “Песне белых журавлей”, в “Каменном мысе”, в “Балладе о Чёрном Вороне”. Потом последовали пятнадцать лет каторжной работы на Чингисхана. Знал ли восточный властитель, что и спустя тысячелетие он будет заставлять на себя работать пленённые им и соединённые воедино в джучиев улус народы? А джучиев улус — это и есть нынешняя Россия, и потому её судьба всегда будет отличаться от судеб иных европейских наций. Но и разделиться ему не дано — навеки. . .”

Так что при всей “математической” определённости сюжета, его исторической отдалённости, автор, по существу, исповедален.

И уже не приходится удивляться, почему китайские профессора видели в произведении далёкого россиянина, при этом якутского писателя, редчайшее, а то и в наш прагматический век небывалое постижение образа Лао Цзы. Свежее дуновение российского Севера, далёкого Кобяйского улуса, который находится в трёхстах километрах к северу от Якутска, где пока не ведают, что такое техногенный смог. Подвижность границ сколь опасное явление, столь, в иных случаях, и чудесное.

Старый денщик умирает, но генерал Инь Си, “ученик двух учителей” — Дин Хуна и Лао Цзы — истолковывает его “перемещение” как назначение на иную должность. Инь Си готовит себе замену, а ему самому, теперь уже тоже старому генералу, начинает сниться навязчивый сон. Якобы он — человек — каменеет и стоит века на рубеже границ, не в силах оглянуться назад, глядя строго вперёд, на Запад, на действия возможного врага, коим был и остаётся родной его народ хунны. При этом сердце в каменном истукане остаётся живым, человеческим, с нестерпимой “волчьей тоской”, а волки, по поверью, древние предки хуннов. Он видит, как хунны, подвижные высшими целями, отправляются на Запад исправлять развеванную истлевшую мораль, не зная, что “Запад — это такая затягивающая бездна, что ушедшие туда не возвращаются никогда”. “Вечный стражник”, как стали звать его люди, ещё питает надежду, что можно что-то исправить, остановить их, но голос Великого Наставника предрекает, что ничего уже не поделаешь.

Каменный Страж Николая Лугинова “смотрит лишь в одну сторону заката солнца”. Ему ведомо:

“Настали иные времена, пересматривающие вековые устои, не признающие, пренебрегающие границами. . . с размытием границ разрушаются все

устои, морально-нравственные и государственные. Исчезает граница между правдой и ложью, законом и произволом, добродетелью и грехом, подвигом и преступлением, верностью и предательством...

Случилось только одно хорошее дело: куда-то исчезли контрабандисты. Говорят, что это они ныне правят миром, а все остальные служат им..." В экономике сегодня это называется "конвергенция" – сближение. И "дивергенция" – расхождение.

Вечный Страж задаётся вопросом: неужели и "впрямь возможно в грядущем время, когда между людьми, народами не останется никаких границ... И тогда, может быть, исполнится затаённая, глубоко запрятанная где-то в дебрях подсознания мечта каждого из них, ныне с оружием в руках стерегущих Пашню от Степи, – стать Последним Пограничником".

Он думает так, стоя в дозоре на самой кромке перевала, подмываемого невзгодами, всеми силами стараясь не свалиться назад или вперёд, дабы не отступить и не напасть. А если и доведётся, то падать надо на правый бок. Вдоль. Вровень с границей.